

Правда. - 1994. - 22 окт. - с. 1.

Мастер ушел навсегда

шолоховской «Судьбы человека». Сдержанный, деликатный доктор Дымов в «Попрыгунье», который понравился бы, наверное, самому Чехову, и Пьер в «Войне и мире», которого, думаю, принял бы сам Толстой...

лучные свои годы он сам себя не щадил, работая с предельной самоотдачей, неистово, на износ. Иначе не мог. Да и не хотел иначе работать.

Он остался художником крупнейшего масштаба, равнявшимся в своем искусстве на верши-

душе у русского кинорежиссера, если «Тихий Дон» он вынужден снимать на зарубежной студии с иностранными актерами?

Успокаивая себя, перебирал четки, сдерживал эмоции, старался искать слова поаккуратнее. Но — разговор все равно получился очень неспокойный. Острая боль Бондарчука пронзала его, как стрела. И когда сейчас перечитываю текст той беседы, опубликованной в «Правде» 7 мая, вновь ощущаю, как мучился этот глубоко преданный родному, отечественному искусству художник при виде его распада.

Он сказал тогда, что собирается лететь в Таджикистан — выбрать места для съемок нового фильма. О ком и о чем будет фильм — не захотел говорить: «Ранд пока». Впрочем, по нескольким книгам, которые лежали на столе, я догадался, кажется.

Увы, фильма не будет. И мы уже не встретимся, не поговорим больше. Прощай, дорогой Сергей Федорович!

Виктор КОЖЕМЯКО.
Фото Бориса ДОЛГИХ.

Памяти Сергея Бондарчука

Да что перечислять? Работы его у многих в памяти, и сейчас совершенно ясно: даже малой их толики было бы достаточно, чтобы увековечить имя автора.

Но пусть смутятся те, кто в угаре вседозволенности еще недавно с упоением уничтожал Бондарчука, захлебываясь злобой и завистью, бросая ему в лицо комья незаслуженных обвинений. Что ж, опять пытались доказать, будто нет пророков в Отечестве своем. Доколе всё будем и будем мазохистски доказывать это миру?

От Бондарчука-то не убыло, хотя, конечно, несправедливость была прямо в сердце и надрывала его. А в благопо-

ны русской и мировой литературы. На Льва Толстого и Шекспира. На Шолохова и Леонида Леонова — выдающихся своих современников. Недаром с такой любовью говорил он всегда о них — как о духовных наставниках и вдохновителях собственного творчества.

Последний раз мы беседовали с ним в апреле. Он был очень печален и главную причину этого не скрывал. Сказал так: «Беда, что государство отвернулось от кинематографа и от всей культуры».

Как может чувствовать себя творец русского кино, когда в российских кинотеатрах показывают только американские фильмы? Что может быть на

безмерная требовательность к себе.

Пусть еще раз пройдут перед вашим мысленным взором кадры его работ. Суровый Валько из герасимовской «Молодой гвардии», где недавний солдат-фронтовик, ставший студентом ВГИКа, сразу так интересно заявил о себе. Страдающий Тарас Шевченко — образ поистине скульптурной выразительности и невероятной внутренней страсти. Отелло, исполненный по-настоящему классически. Обожженный кругами ада Андрей Соколов из

Сообщили: умер Сергей Бондарчук.

Сердце вздрогнуло.

Это рухнул еще один из устоев культуры нашей — великой и убиваемой.

Он сумел мощно, ярко реализовать свой талант, которым щедро был одарен от природы. Фильмы, где он свивался и которые поставил, — впечатляющее явление советского кинематографа, чье мировое признание зиждется именно на искусстве таких мастеров. Роднят их любовь к человеку, нравственный максимализм,